

Ли Ицзинь

(Тяньцзиньский педагогический университет, Китай; liyijin168@126.com)

ДИАЛОГ СКВОЗЬ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО — О СЕКРЕТЕ УСПЕХА В. М. АЛЕКСЕЕВА В ИССЛЕДОВАНИИ «ЛЯО ЧЖАЯ»

Аннотация: Русский китаевед В. М. Алексеев занимался переводами и исследованиями «Рассказов Ляо Чжая о необычайном» в советскую эпоху исходя из новых потребностей искусства, таких как: 1) потребность познакомить советских граждан с подлинными шедеврами китайской литературы и искусства, а также явить публике свои переводческие таланты; 2) необходимость подстроиться под историческую культуру и эстетическую психологию русского народа и удовлетворить культурный запрос русской аудитории; 3) желание откликнуться на настроения русской интеллигенции XIX–XX вв. и познакомить представителей этой среды с восточной мудростью; 4) личная потребность Алексеева установить диалог с Пу Сунлином, древнекитайским автором, чьи обстоятельства жизни и социальные идеалы были схожи с его собственными, а также потребность выразить свои чувства и возникший резонанс. Духовная связь с Пу Сунлином была главным стимулом, побудившим Алексеева посвятить жизнь исследованиям «Ляо Чжая» и главным секретом грандиозного успеха этих исследований.

Ключевые слова: Ляо Чжай, Пу Сунлин, В. М. Алексеев, перевод.

Li Yijin

(Tianjin Normal University, China; liyijin168@126.com)

SPIRITUAL COMMUNICATION ACROSS TIME AND SPACE — ON THE SUCCESS OF LIAOZHAI STUDY BY V. M. ALEXEYEV

Abstract: Russian sinologist V. M. Alexeyev translated and studied *Liaozhai* according to the new “artistic requirements” in the Soviet era, that is: 1) the requirement to introduce the real Chinese language and art works to the Russian and Soviet people and show his translation talent; 2) the requirement to adapt to the historical culture and aesthetic psychology of the Russian nation and meet the needs of the Russian people; 3) the requirement to conform to the popular social trend of thought among Russian humanistic intellectuals at the turn of the 19th–20th century, and to introduce Oriental wisdom; 4) the requirement to communicate with Pu Songling, an ancient Chinese writer who has common ground in life experience and social ideal, and to express his inner feelings and resonance. Alexeyev’s spiritual communication with Pu Songling is not only the impetus of his whole life to study *Liaozhai*, but also the secret of his great success in *Liaozhai* study.

Keywords: *Liaozhai*, Pu Songling, V. M. Alexeyev, translation.

Распространение «Рассказов Ляо Чжая о необычайном» («Ляо Чжай чжи и») в России, и в особенности история переводов и исследований академика Алексеева, одного из главных представителей современного российского китаеведе-

ния, — темы, довольно хорошо изученные¹. Но почему Алексеев решил посвятить все свое время и силы именно «Ляо Чжаю»? Как это стало главным делом его жизни? Каким образом его исследование «Ляо Чжая» привело к столь выдающимся результатам и стало на момент появления настоящим прорывом в мировом китаеведении? Кажется, здесь кроется необходимость в дальнейшем подробном изучении вопроса. По этой причине автор взялся за написание данной статьи и теперь рад представить ее вниманию уважаемой публики.

В 2008 г. молодые ученые, специалисты по российской китаистике, Ли Сюйлань и Юэ Вэй, опубликовали работу «Переводы “Ляо Чжай чжи и” на русский язык и влияние переводов Алексева» [1]. В ней они свели причины, побудившие В. М. Алексева в начале XX в. заняться переводами и исследованиями «Ляо Чжая», к трем пунктам: 1) Алексеев воспользовался рекомендацией некоего «китайского господина», которую получил во время учебы в Китае; 2) занимаясь изучением новогодних лубочных картин, Алексеев обратился к «Ляо Чжаю» для более глубокого понимания народных обычаев; 3) путешествуя по Китаю, он обратил внимание на то, какой популярностью «Ляо Чжай чжи и» пользуется у народа.

Это неплохой разбор, в нем обозначаются конкретные причины, по которым В. М. Алексеев решил в свое время взяться за перевод и исследование «Ляо Чжая», однако в нем не раскрываются личные глубинные мотивы Алексева, заставлявшие его всю жизнь фанатично продолжать эту работу, а также культурные и исторические процессы, на фоне которых она проходила. Целью данной статьи является дальнейшее исследование этого вопроса.

Карл Маркс, приведя в пример манеру французских драматургов эпохи Людовика XIV «понимать греков в соответствии с потребностями их собственного искусства», указал: «Искаженная форма — это как раз и есть всеобщая форма,

¹ К примеру, статья академика РАН Б. Л. Рифтина «“Ляо Чжай чжи и” в России: перевод и исследование Алексева “Ляо Чжай чжи и”» (Ханьсюэ яньцзю тунсюнь, 2001, № 20 (4)); статья дочери В. М. Алексева, научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН М. В. Баньковской «Друзья и недруги Ляо Чжая» (пер. с рус. Янь Годун, Ван Пэймэй, Юэ Вэй; Пусунлин яньцзю, 2003, № 1–4); работа известного специалиста по российскому китаеведению, профессора Пекинского университета Ли Минбиня, написанная в соавторстве с Ли Шуцин «Путешествие в мир российских исследований Пу Сунлина» (Пу Сунлин яньцзю, 2000, № Z1); две статьи, написанные в соавторстве преподавателем Военно-артиллерийского командного института НОАК Ли Сюйлань и преподавателем Цзинаньского университета Юэ Вэем: «Переводы “Ляо Чжай чжи и” на русский язык и влияние переводов Алексева» (Пу Сунлин яньцзю, 2008, № 3) и «О русском переводе Алексевым названий новелл Ляо Чжая» (Пу Сунлин яньцзю, 2009, № 2); статья Юэ Вэй «60 лет существования “Ляо Чжай чжи и” в России» (Пу Сунлин яньцзю, 2010, № 1) и т. д. Автор данной статьи также опубликовал в 1999 г. свою работу под названием «Оглядываясь на исследования “Ляо Чжай чжи и” в России и Советском Союзе» (Пу Сунлин яньцзю, № 1).

и на определенном этапе развития общества это форма, подходящая для всеобщего употребления» [2, с. 608].

И В. М. Алексеев, и предшествующее ему поколение российских китаеведов, переведивших «Ляо Чжай чжи и», делали это исходя из «потребностей своего искусства». Первые переводы «Ляо Чжая» на русский² служили учебным пособием по китайскому языку, а также материалом для изучения народных обычаев и суеверий [3, с. 29]. Фактически, Алексеев сам когда-то изучал китайский язык и культуру по «Ляо Чжаю». Для собственного курса лекций по китайской фонетике, который он написал в 1910 г. для Санкт-Петербургского университета, Алексеев в качестве языкового материала использовал, в числе прочего, и адаптированные диалоги из «Ляо Чжай чжи и».

Однако Алексеев имел поистине выдающиеся способности к языкам. Он обладал глубочайшим пониманием древнекитайской литературы, мог оценить все художественное очарование текстов на *вэньяне*, которые являют собой несомненную вершину китайского языкового искусства. Также в 1906–1909 гг. он многократно ездил в Китай учиться и заниматься исследованиями и там накопил практический опыт. Благодаря всем этим обстоятельствам мощь его таланта раскрылась уже в самых первых переводах и исследованиях «Ляо Чжая», которые многократно превосходят уровень учебника по китайскому языку и народной культуре. Они наделены несомненной эстетической ценностью.

Из записей в дневнике самого Алексеева: «Сегодня я с удовольствием разбирал первую часть “Даоса с гор Лао” со студентами второго курса. Во время чтения Невский вдруг воскликнул: “Здорово!” <...> Другие студенты слушали с не меньшим интересом» [4, с. 131]. Это говорит нам о красоте и виртуозности его перевода.

В период после российской Октябрьской революции 1917 г. советское правительство было занято политической и экономической борьбой, но в то же время полным ходом велось и культурное строительство. В 1919 г. М. Горького пригласили организовать издательство «Всемирная литература». По воспоминаниям советского поэта и детского писателя К. И. Чуковского (1882–1969), который также участвовал в учредительной работе, целью М. Горького в создании «Всемирной литературы» было «дать новому советскому читателю лучшие книги лучших мировых авторов, чтобы этот новый читатель мог изучить мировую литературу по лучшим образцам перевода». Литераторы и ученые, работавшие в издательстве, «должны были наладить сложный редакционный процесс согласно плану, специально разработанному под советского читателя» [5, с. 130].

² Например, пять новелл из «Китайской хрестоматии» В. П. Васильева 1868 г.: «Трава Шуйман», «А бао», «Цзэн Ююй», «Гэн-нян», «Мохнатая лисица»; перевод новеллы «Ядовитая трава» Н. Монастырева, опубликованный в 1878 г. в 195 номере Санкт-Петербургской газеты «Известия»; опубликованные А. И. Ивановым в 1907 г. переводы новелл «Хуаньин», «Ли Боянь», «В птичьем царстве», «Экзамен на пост бога города», «Зрачки-человечки беседовали», «Расписная стена», «Как он садил грушу» [3, с. 29].

Именно тогда В. М. Алексеев принял приглашение стать членом экспертной редколлегии издательства «Всемирная литература» и секретарем восточного отдела. Вместе с известным востоковедом С. Ф. Ольденбургом он также принимал участие в работе редколлегии журнала «Восток». Это предоставило ему площадку для последующей публикации своих переводов и исследований, а также обозначило новые потребности искусства для его работы над «Ляо Чжаем».

По сути, эти новые потребности искусства сводились к следующему. Во-первых, Алексеев должен был познакомить советских читателей с подлинными шедеврами китайского языкового искусства и явить публике свои переводческие таланты. Во-вторых, он ставил перед собой задачу подстроиться под историческую культуру и эстетическую психологию русского народа и удовлетворить культурные запросы русской аудитории. В-третьих, он чувствовал необходимость откликнуться на общественные настроения русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. и познакомить представителей этой среды с восточной мудростью. И наконец, Алексеев испытывал потребность установить диалог с Пу Сунлином, древнекитайским писателем, чьи жизненные обстоятельства и социальные идеалы имели много схожего с его собственными, он чувствовал необходимость выразить свои чувства и этот душевный резонанс.

В. М. Алексеев представил советским читателям произведение, которое он считал «лучшей книгой лучшего китайского автора» — «Ляо Чжай чжи и» Пу Сунлина. Благодаря своей исключительной способности к языкам и огромному усердию Алексеев еще в университете сумел овладеть китайским на высоком уровне, научился читать и переводить древнюю литературу на *вэньяне*.

За долгие годы академической карьеры Алексеев выработал уникальное понимание художественного очарования древнекитайской словесности, а также стойкий интерес к ее изучению. В докладе об успехах прохождения стажировки, который Алексеев, находясь в Китае, направил в ректорат Санкт-Петербургского университета, он написал: «Диковинные рассказы Пу Сунлина, которые мы обычно учим на факультете, следует признать великолепными миниатюрами. Я думаю, что нам, особенно в образовательном процессе, не стоит относиться к этим новеллам как к заурядной повествовательной прозе. Выбор слов, ритма, цитат, их уместное использование в соответствии со стилем повествования — все в сочетании доведено едва ли не до совершенства» [4, с. 130].

В статье «Китайская литература», написанной для сборника «Литература Востока» в 1920 г., он с величайшим восхищением отозвался об идейной и художественной стороне «Ляо Чжай чжи и»: «Эти повести демонстрируют непревзойденное мастерство рассказа, в котором участвует все утонченное культурное и литературное наследие Китая» [6, с. 64].

Прошло уже порядка ста лет с начала кампании за переход на *байхуа*, зародившейся в русле «движения 4 мая» 1919 г., однако древняя литература на *вэньяне* остается главным проводником пятитысячелетней письменной культуры Китая. Ее уникальная ценность и художественная прелесть не меркнут с течением времени, и лишь ярче сияет их неугасающий свет. Искренний восторг зарубежного

ученого перед произведениями на *вэньяне*, его кропотливая исследовательская работа и мастерски выполненные переводы дают возможность каждому китайцу заново осознать ценность древней культуры нашей страны и пробуждают в нас энтузиазм к сохранению и развитию этого наследия.

Вторая причина, по которой Алексеев на протяжении десятилетий занимался переводами и исследованиями «Ляо Чжая», кроется в историко-культурной психологии и характере русского народа, в его извечной тяге к Востоку и любви к рассказам о волшебных животных, а также к романтическим историям о чудесах.

С точки зрения этнологии и этнографии русский народ, несомненно, относится к Западу. Однако географическое положение страны на материке Евразия, православная вера, отделяющая Россию от западно-христианского мира, а также период монгольского правления длиной в два с половиной века привели к установлению прочной духовной связи русского народа с Востоком.

В свое время автор данной статьи был стажером-исследователем в Педагогическом университете им. Герцена под научным руководством профессора Е. А. Костюхина (1938–2006). Последний в своей докторской диссертации «Типы и формы животного эпоса» отмечал: «Происхождение животного эпоса связывают с первобытной эпохой, с жизнью древних охотников и пастухов» [7, с. 13]. «Архаические формы животного эпоса характерны для фольклора народов, находящихся либо недавно находившихся на первобытной ступени развития, — Австралии, Америки, Северной Азии» [7, с.25]. Разнообразные волшебные сказки о животных передавались из уст в уста многими поколениями русских охотников и пастухов, живших в лесах и степях, и веками служили этим людям духовной пищей. В русских народных сказках есть популярный персонаж — Лиса Патрикеевна, а в русском языке присутствует множество пословиц и фразеологизмов о лисе³. Взять, к примеру, слово «лисить» (хитрить, лукавить), корнем которого является «лис». Неудивительно, что первым переводом, который Алексеев предложил к публикации во время работы во «Всемирной литературе», стала подборка рассказов о лисах из «Ляо Чжая»⁴. Определенную роль здесь сыграло желание подстроиться под массовые вкусы россиян.

Конечно, сам В. М. Алексеев, ученый-китаевед с блестящей академической подготовкой, не считал рассказы о лисах из «Ляо Чжая» простыми сказками о животных. Он знал о китайском народном культе лисы и прекрасно понимал, что Пу Сунлин использует образ лисы-оборотня для описания явлений чело-

³ Например, «спеть лисе песню» (из басни Крылова «Ворона и Лисица»), «подпустить лису на расстояние выстрела», «пролезть, как лиса», «не волчий зуб, так лисий хвост», «всякая лиса свой хвост бережет», «кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела» и т. д.

⁴ В 1922 г. Алексеев опубликовал в журнале «Восток» четыре рассказа о лисах: «Смешливая Иннин», «Четвертая Ху», «Лис из Вэйшуй'я», «Лиса наказывает за блуд», а также написал предисловие «Лисье царство — из рассказов Ляо Чжая». В том же году «Всемирная литература» выпустила в Петрограде первую часть сборника переводов Ляо Чжая «Лисьи чары».

веческого мира. В предисловии к сборнику «Лисьи чары», изданному в 1922 г., В. М. Алексеев отмечал: «...и здесь китайская фантазия идет, по-видимому, впереди всех народов, — она [лиса] оказывается наделенною редким свойством долголетия, достигающего тысячи лет, и, значит, вообще сверхчеловеческими, даже прямо божескими особенностями» [8, с. 10]. Он выразил надежду, что благодаря его переводам «эта фантастика, это причудливое смешение мира действительности с миром невероятных возможностей может волновать русского читателя, если он хоть немного склонен к обособлению от жизни, и дать ему ряд переживаний, которые для русской и европейской литературы вообще необыкновенны и интересны» [8, с. 11]. Становится ясно, что Алексеев стремится преподнести свое тонкое понимание китайской народной культуры и обычаев под внешней формой «народных сказаний».

Современная рецептивная эстетика говорит нам, что национальная культурная психология и эстетические привычки массовой аудитории являются важной частью будущего восприятия литературного произведения, связанных с ним ожиданий и настроений потенциального читателя. В процессе культурного обмена, культурного диалога между разными народами эти факторы должны полностью учитываться. Необходимо прилагать определенные усилия, чтобы соответствовать эстетическому менталитету другого народа. В то же время, согласно рецептивной эстетике, если содержание произведения слишком приближено к читательским ожиданиям или, хуже того, полностью им соответствует, это также снижает удовольствие от чтения. Алексеев использует близкую русскому человеку литературную форму «сказки о животных», но в то же время рассказывает читателю о незнакомом ему концепте восточных историй об удивительном и таким образом вызывает у аудитории предчувствие чего-то интересного и необычного. Именно это создает условия для успешного знакомства с другой культурой и является важным фактором неувядающей популярности его переводов и исследований «Ляо Чжая» в России.

Работу над «Ляо Чжай чжи и» Алексеев вел с начала XX в., и она была неразрывно связана с идеологическими течениями, распространенными в среде российской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. Выдающийся русский мыслитель и философ того времени Николай Бердяев (1874–1948) в своей книге «Русская идея» отмечал: «Творческий подъем, который мы наблюдали в начале века, я называю русским ренессансом. Ему предшествует не средневековье, а эпоха просвещения, которую пережила российская интеллигенция. <...> Культурным движениям того времени свойственна особая русская специфика, связанная с эпохой XIX в. В первую очередь, это религиозные метания и поиски... проходившие в мистической атмосфере. Если воспользоваться популярной терминологией, можно сказать, что русский ренессанс был не классическим, а романтическим» [9, с. 244].

За двести лет, начиная с реформ Петра Великого и до Серебряного века, Россия прошла через процесс вестернизации, который привел к значительному общественному прогрессу. Однако в сравнении с Западом Россия по-прежнему

оставалась отсталой страной. Поражение в русско-японской войне стало тяжелым ударом для России, которая на протяжении двух столетий шла к мечте стать могущественной страной, полагалась на западный путь. Японский железный кулак с востока породил в кругах российской интеллигенции глубокий ужас перед неминуемой «желтой угрозой». Предчувствие близящейся катастрофы поселилось в сердцах восприимчивых деятелей культуры, и потому представители элиты обратили свой ищущий взор на восток. Размышляя над вопросом, должна ли Россия выбрать Европу либо Азию, писатель Ф. М. Достоевский (1821–1881) сказал: «В Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того, в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход» (цит. по [10, с. 378]). Художник-авангардист Д. Д. Бурлюк (1882–1967), произнося речь на одном вечере, также заявил: «Мы азиаты! Надо говорить об этом смело! Запад все тащит у нас, с Востока, а потом преподносит нам как свое» (цит. по [11, с. 170]).

Растерянность перед лицом реальности и страх перед будущим пробудили в интеллектуальной элите русского Серебряного века устойчивое стремление к «поиску корней». Их художественное творчество отошло от традиционного для европейского искусства принципа подражания природе и обратилось к поиску «изначальной тайны» и «законов вселенной» [10, с. 70]. Восточное искусство и культура стали для интеллектуальной элиты Серебряного века образцом для подражания. На театральной сцене с успехом проходили спектакли на восточную тематику⁵. Литература активно впитывала восточную и в особенности китайскую культуру, в произведениях появлялись вдохновленные Востоком художественные образы.

Например, А. Белый (1880–1934), русский писатель Серебряного века и характерный представитель символизма, в автобиографическом романе «Крещеный китаец» (1927) создает образ профессора математики смешанных, евроазиатских кровей, «старого китайца», преисполненного «конфуцианской мудрости» — «в середине и, да, в постоянстве — действительный человек проявляется». В стихах некоторых выдающихся поэтов Серебряного века также заметна тяга к восточной философии и тайным смыслам, любовь к предметам восточного быта и восточному колориту. Примером может послужить стихотворение «Великое Ничто» русского поэта К. Д. Бальмонта (1867–1942), блиставшего в литературных кругах конца XIX — начала XX в., а также стихотворения Н. С. Гумилева (1886–1921), лидера акмеистов, — «Путешествие по Китаю» (1908), «Китайская девушка» (1916) и многие другие. Эти наполненные восточными настроениями произведения искусства воплотили стремление мыслителей Серебряного века

⁵ К примеру, опера российского композитора Цезаря Кюи (1835–1918) «Сын мандарина», музыкальная комедия английского композитора Сидни Джонса (1861–1946) «Гейша», водевиль «Переполюх», действие которого происходит в Индии. Также можно упомянуть водевиль «Шампанское и опиум, или Война с Китаем», оперетту «Китайская роза» и т. д. [11, с. 87].

к поиску восточных корней, подарили новое дыхание и заряд вдохновения русскому искусству.

Алексеев также оказался в эпицентре этой моды на восток, но китаеведение было его специальностью, составляло его профессиональную идентичность, что, само собой, позволило ему развить более глубокий исследовательский интерес к Китаю и китайской культуре. В не опубликованной им статье «Из жизни старого русского китаеведа» Алексеев пишет: «...я, путешествуя по Китаю (1906–1909, 1912, 1926 гг.), обратил свое внимание на совсем обратное, а именно, на жизнь самого народа, на жизнь города, деревни, улицы, о которых сообщенная мне книжность не говорила ничего. Я обратил свое внимание на бытовые надписи, покрывающие в Китае каждый свободный уголок, на народные картины, изображающие весь китайский быт, как будничные, так и особенно праздничные, яркий и весьма своеобразный» (цит. по [12, с. 6]). «Он относится к китайцам с простотой и дружелюбием, его общение с крестьянами, извозчиками и монахами не искажается его научным любопытством. Это общение происходит на равных, он понимает их поступки и чувства» [13, с. 10]. Ему чужда высокомерная позиция европоцентризма, манера изучать китайскую культуру, глядя на нее сверху вниз, как на диковинку, с некоторой снисходительностью и даже с презрением. Он выбирает позицию равенства, им движет искреннее желание познакомиться с Китаем, лучше понять эту страну.

Благодаря этому его страсть к древнекитайской культуре, его уважение и интерес к ней росли день от дня. В путевых заметках «В Старом Китае: Дневники путешествия 1907 г.» Алексеев пишет: «Я потрясен величиим человеческого искусства и человеческого искусства. Да, китайское искусство — это мировое искусство, и, как совершенно новое явление, оно может оказать огромное влияние на западную культуру. Хотя оно сильно отличается от западного, в то же время оно является искусством столь же универсальным и преисполненным гуманистического духа. Когда китайское искусство, со всей его мощью и необъятными возможностями, столкнется с западным, родится нечто новое, невиданное, что потрясет всех нас» [13, с. 68–69]. Это благоговение перед китайской культурой и любовь к ней позволили ему перебороть заносчивость и предубеждения, которые на протяжении многих лет были свойственны западным ученым, и дали ему возможность всерьез приняться за исследование тайн и сути китайской культуры.

В многолетних исследованиях «Ляо Чжая» Алексеевым движет та же страсть. В «Предисловии переводчика» к сборнику «Лисьи чары», опубликованному в 1922 г., Алексеев пишет: «Выпускаемая книжка, конечно, фактически обращается к любому человеку, умеющему читать, но достоинство ее обращено только к тем, кто любит новое; кто всей душой стремится в новый мир человеческих чувств, переживаний, образов и слов; кто знает цену новому знакомству, новому проникновению в новые тайны человеческой души» [8, с. 17–18]. В многократном повторении слова «новый» выражается энтузиазм Алексеева, его благоговение перед китайской культурой и китайской мудростью.

Алексеев и другие представители российской культурной элиты Серебряного века активно впитывали и заимствовали традиции восточного, и в особенности китайского, искусства. Это свидетельствует о том, что культурное влияние и обмен между народами Запада и Востока всегда были взаимны. Это также позволяет нам увидеть уникальную ценность давних традиций восточного искусства, поддерживает нашу национальную гордость и веру в себя, укрепляет уверенность в возможности диалога с западной культурой.

В то же время национальные культурные традиции должны идти в ногу со временем, должны постоянно обновляться и развиваться, впитывать достижения всех мировых культур, и только так они сохраняют свою молодость и жизненную силу. И здесь глубокое уважение Алексеева к восточной культуре, его горячий интерес, его манера общаться на равных и жадно узнавать новое — прекрасный пример для подражания.

Четвертая причина, по которой академик Алексеев посвятил все свои силы переводу и исследованию «Ляо Чжая», связана с его личным опытом и жизненными обстоятельствами, которые во многом перекликаются с судьбой Пу Сунлина, «Господина Ляо Чжая». Это его личный диалог с Пу Сунлином сквозь время и пространство. Прежде всего, необходимо обратиться к сделанному Алексеевым переводу собственно названия — «Ляо Чжай». Принято считать, что Ляо Чжай — это псевдоним Пу Сунлина. «Ляо» (*liáo*, 聊) значит «общаться». Китаеведы следующего поколения, занимавшиеся исследованиями «Ляо Чжая», переводили псевдоним как «кабинет Разговорчивого» — этот перевод использует, к примеру, П. М. Устин⁶ в своей монографии «Пу Сунлин и его новеллы», вышедшей в 1981 г. Однако у Алексеева было свое толкование происхождения имени Ляо Чжай. В его статье «Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжая» [14], написанной в 1934 г., есть примечание, в котором указывается, что используемый в псевдониме иероглиф «Ляо» (*liáo*, 聊), возможно, имеет смысловую связь с выражениями «ляо фу эр эр» (*liáo fù ěr ěr*, 聊复尔尔) — «пусть хоть так», или «ляо и цзянь нянь» (*liáo yǐ qiǎn nián*, 聊以遣年) — «как-нибудь бы еще протянуть». Алексеев также упоминает стих Ван Шичжэня «Си ти Пу шэн Ляо Чжай цзюань хоу» («В шутку пишу на обороте “Ляо Чжая” господина Пу»): «Хочешь верь, хочешь нет, под заросшим лозою навесом укрывшись от нитей дождя, не желает вести больше праздных речей о вопросах людских, жаждет слушать лишь песни таинственных сил среди осенних могил» [14]. По мнению Алексеева, эти строки точно отражают настроение, в котором в те годы пребывал Пу Сунлин. В предисловии к сборнику «Рассказы о людях необычайных», опубликованному в 1937 г., Алексеев переводит псевдоним «Ляо

⁶ Устин Петр Матвеевич (р. 1925), в 1952 г. окончил Московский институт востоковедения, с 1952 по 1954 г. был преподавателем Московского института востоковедения, 1955–1957 гг. работал в китайской газете «Юйбао». В 1960 г. стал преподавателем Института стран Азии и Африки МГУ, 17 мая 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Новеллы Пу Сунлина».

Чжай» как «кабинет Неизбежного» и поясняет выбор слова «неизбежный» следующим образом: «...для человека, которому не везет, но который хотел бы не подчиняться року» [8, с. 456]. Видно, насколько глубоко Алексеев погружается в поиски скрытого смысла псевдонима Пу Сунлина. Логике его толкования соответствует и заглавие наиболее полного русского сборника переводов «Ляо Чжая», опубликованного в 2000 г. центром «Петербургское востоковедение» — «Странные истории из Кабинета Неудачника».

Пройдя путь от бедного студента до академика, успев пожить и в царской России, и в советском обществе, Алексеев пережил множество взлетов и падений, происходивших как в личной его судьбе, так и в судьбе страны. За ослепительным ореолом его личности скрывается множество несчастий, печалей и терзаний. Изучая «повести одинокого негодования» китайского писателя Пу Сунлина, жившего за 200 лет до него, Алексеев обнаружил в них созвучие своей собственной судьбе, звонкий резонанс. Его дочь М. В. Баньковская в статье «Друзья и недруги Ляо Чжая» отметила, что за всю жизнь Алексеев перевел множество текстов древнекитайской литературы, но к Ляо Чжаю он питал «особые чувства». Она написала: «Эти особые чувства неслучайны: по словам Алексеева, как тяга господина Ляо Чжая к фантастике и чудесам была его главным приемом в схватке с гнетущей эпохой, так тяга Алексеева к созданному Ляо Чжаем фантастическому миру стала для него самой пищей для вдохновения (по собственному выражению Алексеева, в те годы он сам испытывал гнет разного рода). Без права на любовь к фантастическим мирам ни Пу Сунлин, ни Алексеев не смогли бы жить» [4, с. 131].

С конца 1920-х гг. научная работа Алексеева вызывала непрекращающуюся критику и нападки, его исследования подвергались сомнению. Некоторые «неспособные, лишенные стремления к знаниям» студенты «вели бесконечные пересуды об Алексееве... Особенно часто объектом клеветы становились произведения Ляо Чжая, якобы они прививают студентам суеверия о лисах и нечистой силе. <...> Люди невысокого сорта... хотели такими путями возвыситься» [4, с. 132–133]. Многие научные работы Алексеева так и не были опубликованы до самой его смерти, и в конечном итоге они отправились в архив в виде рукописей.

В конце 1930-х гг. в Советском Союзе поднялась волна масштабного террора, направленного на искоренение контрреволюции. Многих ни в чем не повинных представителей интеллигенции по разным обвинениям отправляли в тюрьмы и под расстрел. Группе китаистов, работавших под началом Алексеева, также не удалось избежать этой участи. Среди его последователей были талантливые ученые, которых арестовали по разным сфабрикованным обвинениям; кого-то из них приговорили к расстрелу, кого-то репрессировали⁷. Сам Алексеев под

⁷ Прославленный специалист по «Книге перемен» Ю. К. Щуцкий (1897–1938); Б. А. Васильев (1889–1937), которого Алексеев называл «талантливым молодым поэтом»; Н. А. Невский (1892–1937), выдающийся японист, китаист и тангутовед, а также другие ученые были расстреляны в годы «борьбы с контрреволюцией»; А. А. Штукин (1904–1963), внесший не-

арест не попал, но столкнулся с многочисленными нападками и клеветой. 31 мая 1938 г. газета «Правда» напечатала шумевшую статью Х. Муратова и М. Бурова «Лжеученый в звании советского академика» [15, с. 4] с прямым обвинением в адрес Алексеева.

Однако Алексеев не отступил и не пал духом перед лицом невзгод. Здесь сыграли роль и благородство духа, и настойчивость в следовании за мечтой, и то влияние, которое оказали на него восточная философия и восточная культура. Следуя предписанию из «Лунь юя» — «Оставаться в безвестности и не испытывать обиды, разве это не качество благородного мужа?» — Алексеев выбрал себе псевдоним Бу юнь чжай («Кабинет не испытывающего обиды»). Занимаясь переводами и исследованиями «Ляо Чжая», он мог отвлечься от мучившего его негодования и излить тоску на бумаге. Рассказывая китайские истории об удивительном, Алексеев вел свою борьбу против гнетущей эпохи.

В монографии 1934 г. «Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжая» Алексеев утверждает: «Ляо Чжай писал свои новеллы в обстановке, где на свободную мысль было явное гонение и где всякий намек на создавшееся положение, столь обыкновенный в речи негодующего патриота, был бы сочтен за преступление, грозившее смертью» [6, с. 301]. Так как Пу Сунлину не хватает «смелости говорить конфуцианским, непримиримым языком о современности», ему остается лишь взять «невероятное в защитники своих прав и убеждений вопреки конфуцианскому сознанию и конфуцианской же совести» [6, с. 307].

Человек, которому не приходилось сталкиваться с давлением среды или страдать из-за идеологических притеснений — человек, которому не довелось стать Пу Сунлину родственной душой — пожалуй, не смог бы обнаружить столько реализма в рассказах о лисах «Ляо Чжая».

Подводя итоги, можно сказать, что академик В. М. Алексеев посвятил свою жизнь исследованиям и переводам «Ляо Чжая» по самым разным причинам, но сводятся они, в конечном счете, к одному — это диалог двух душ, преодолевший время и пространство, диалог Алексеева и Пу Сунлина. В «Речных заводах» есть фраза «каждый миг искать встречи, находясь друг от друга за тысячу ли, и сердцем тянуться друг к другу всю жизнь, от рождения до смерти». В. М. Алексеев и Пу Сунлин, китайский господин Ляо Чжай, жили в разное время, в разных странах, принадлежали к разным народам, но благодаря их духовной связи Алексееву удалось превратить в высшей степени китайское произведение «Ляо Чжай» в книгу, понятную и близкую широкому кругу русских читателей; статью «Ляо Чжаем на русской почве» [8, с. 18]. Именно в этом кроется секрет успеха Алексеева в исследовании «Ляо Чжая».

оценимый вклад в перевод и изучение «Ши цзина», дважды подвергался аресту — в 1938 и 1949 гг., после чего жил в бедности, имел серьезные проблемы со здоровьем и пережил инсульт, повлекший за собой паралич.

Литература

1. 李绪兰, 岳巍. 《聊斋志异》在俄罗斯的翻译和阿氏译本的影响 // 蒲松龄研究. 2008. 第3期. 页26–33. [Ли Сюйлань, Юэ Вэй. Переводы «Ляо Чжай чжи и» на русский язык и влияние переводов Алексеева // Пу Сунлин яньцзю, 2008, № 3. С. 26–33.] (На кит. яз.)
2. 马克思, 恩格斯. 全集. 第30卷. 北京: 人民出版社. 1975. 页748. [Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Том 30. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1975. С. 748.] (На кит. яз.)
3. 李福清. 聊斋志异在俄国——阿列克谢耶夫与聊斋志异的翻译和研究 // 汉学研究通讯. 2001. 第20:4期. 页28–42. [Рифтин Б.Л. «Ляо Чжай чжи и» в России: перевод и исследование Алексева «Ляо Чжай чжи и» // Ханьсюэ яньцзю тунсюнь, 2001, № 20 (4). С. 28–42.] (На кит. яз.)
4. М.В.班科夫斯卡娅. 聊斋的朋友与冤家 // 蒲松龄研究. 2003. 第1期. 页128–140 [Баньковская М. В. Друзья и недруги Ляо Чжай // Пу Сунлин яньцзю, 2003, № 1. С. 128–140.] (На кит. яз.)
5. К.丘可夫斯基. 编辑“世界文学”丛书时的高尔基 // 高尔基研究年刊. 1947. 页128–139. [Чуковский К. И. Горький в годы работы редактором «Всемирной литературы» // Гаоэрци яньцзю нянькань, 1947. С. 128–139.] (На кит. яз.)
6. Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. М.: Наука, 1978.
7. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, 1987.
8. Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и) / пер. с кит. В. М. Алексева. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2000.
9. Н.别尔嘉耶夫. 俄罗斯思想. 北京: 三联书店. 1995. [Бердяев Н. А. Русская идея. Пекин: Саньлянь шудянь, 1995.] (На кит. яз.)
10. Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
11. Серова С. А. Театральная культура Серебряного века в России и художественные традиции Востока (Китай, Япония, Индия). М.: Институт востоковедения РАН, 1999.
12. Алексеев В. М. Китайская народная картина. М.: Наука, 1966.
13. 瓦·米·阿列克谢耶夫. 1907年中国纪行 / М.В.班科夫斯卡娅, 李福清前言. 昆明: 云南人民出版社. 2001. [Алексеев В. М. Дневники путешествия в Китай 1907 г. / вступ. ст. Баньковской М. В., Рифтина Б. Л. Куньмин: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 2001.] (На кит. яз.)
14. Алексеев В. М. Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжай // ИАН СССР. Серия VII. Отделение общественных наук, 1934, № 6. С. 437–454.
15. Муратов Х., Буров М. Лжеученый в звании советского академика // Правда, 1938, № 148. С. 4.

References

1. Li Xulan, Yue Wei. “Liao Zhai zhi yi” translations in Russia and the influence of Alexeyev’s translations. *Pu Songling yanjiu*, 2008, no. 3. P. 26–33. (In Chinese)
2. Marx K., Engels F. *Collected works*. Vol. 30. Beijing, Renmin chubanshe, 1975. (In Chinese)
3. Li Fuqing (Riftin B. L.). Liao Zhai zhi yi in Russia — Alexeyev’s translations and his study of Liao Zhai zhi yi. *Hanxue yanjiu tongxun*, 2001, no. 20 (4). P. 28–42. (In Chinese)
4. Bankovskaia M. V. Friends and foes of Liao Zhai. *Pu Songling yanjiu*, 2003, no. 1. P. 128–140. (In Chinese)

5. Chukovsky K. I. Gorky in the years of his editorial work in "World literature" / transl. by Lei Ranyi. *Gaoerji yanjiu niankan*, 1947. P. 128–139. (In Chinese)
6. Alexeyev V. M. *Chinese literature. Selected works*. Moscow, Nauka Publ., 1978. (In Russian)
7. Kostyukhin E. A. *Types and forms of animal epic*. Moscow, Nauka Publ., 1987. (In Russian)
8. Pu Songling. *Strange stories from a studio of the Unlucky (Liao Zhai zhi yi)* / transl. by Alexeyev V. M. St. Petersburg, St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publ., 2000. (In Russian)
9. Berdyaev N. A. *The Russian idea*. Beijing, Sanlian shudian, 1995. (In Chinese)
10. Ivanov V. I. *National and universal*. Moscow, Respublika Publ., 1994. (In Russian)
11. Serova S. A. *Theatrical culture of the Silver age in Russia and artistic traditions of the East (China, Japan, India)*. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy, 1999. (In Russian)
12. Alexeyev V. M. *Chinese folk painting*. Moscow, Nauka Publ., 1966. (In Russian)
13. Alexeyev V. M. *Diary of a journey to China in 1907* / introduction by Bankovskaia M. V., Riftingin B. L. Kunming, Yunnan renmin chubanshe, 2001. (In Chinese)
14. Alexeyev V. M. The tragedy of a Confucian personality and scholar-officials' ideology in the stories of Liao Zhai. *Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR, Series VII, Division of Social studies*, 1934, no. 6. P. 437–454. (In Russian)
15. Muratov H., Burov M. A fake scholar with a title of a Soviet academician. *Pravda*, 1938, no. 148, p. 4. (In Russian)

Перевод Д. А. Потапенко